

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ОТЦЫ

РАССКАЗ

Александрю Смирнову

— Отец! — они крикнули оба — в один голос — пожилому мужчине, идущему по другой стороне улицы.

Разница была в том, что у одного отец уже давно умер, а у второго он был еще жив. Разница была в том, что второй только что выпрыгнул из дорожного авто, чтобы подняться по ступенькам банка на работу, а первый бежал по заданию редакции в тот самый банк без всякой надежды взять интервью у второго. Разница была в том, что первого звали Сергей, а второго Александр, и отцы у них были совсем разные люди...

— Отец! — снова повторили они в голос, и старик на той стороне улицы оглянулся. Оглянулся не потому, что обращались к нему, а лишь — чтобы узнать, кто там кричит на другой стороне улицы.

Разница была в том, что ни первый, ни второй, ни Сергей, ни Александр не признали в оглянувшемся мужчине своего отца, который еще миг назад казался им отцом настолько, что первый готов увидеть в мертвом живого, а второй — поверить в то, что старик совершил путешествие в три тысячи километров, не предупредив об этом сына.

Старик на той стороне улицы некоторое время смотрел на двух озадаченных мужчин, затем повернулся в нужном ему направлении и снова стал на-

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, директором средней школы. Играл в группе "Нефть". Пишет прозу, стихи, публицистику. Член Союза писателей России. Живёт в городе Ханты-Мансийске.

скрипывать снегом под ногами нехитрую песню походки пожилого человека. На слух это были две ноты — ми и ля. Правой ногой он ступал уверенно, и она звучала твердо: ми, а левую — немного подволакивал, и она растягивалась в ноту ля. Ми-ля, ми-ля — и получалась иностранная песня про милю. Видимо, все свои русские версты старик уже прошел, и теперь выхрамывал иностранные мили. А может, это от иностранных лекарств, которые он принимал, чтобы продлить шаг больной левой ноги?

Очень скоро шелест шипованных по-русски автомобильных покрышек заглушил немудреную песню из двух нот, потом и сам старик затерялся в перспективе улицы, а двое мужчин так и продолжали стоять, глядя на то место, где он оглянулся. Потом, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. Их разделяло небольшое расстояние.

— Мне показалось: это мой отец, — объяснил Александр.

— Мне тоже, хотя мой умер двенадцать лет назад. Просто... — Сергей подыскивал слова. — Мороз, глаза слезятся, но очень похож.

— Удивительно, — Александр сделал несколько шагов навстречу и протянул руку: — Александр.

— Сергей.

— Может, выпьем по чашке кофе? Не каждый день встречаешь человека, который... — Теперь Александр потерял нужные слова.

— Вместе с тобой называет одного человека отцом, но не приходится тебе братом, — пришел на выручку Сергей.

— Точно! Как в какой-нибудь дурацкой загадке типа — сын моего отца, но не мой брат.

— М-да...

— Так как насчет кофе? У меня тут уютный кабинет. — Александр кивнул на банк.

— Вице-президент этого заведения должен был рассказать мне о новых условиях кредитования... — задумался Сергей.

— Ну так расскажу, только сначала кофе. Как-то у меня не проходит... вот здесь... — Александр постучал себя ладонью по груди.

— И у меня что-то ноет...

— Бывает же...

После второй чашки кофе в уважаемом кабинете, где лакированное дерево спорило с кожей, разговор пропитался запахом “маракажу” и сквознячком из приоткрытой двери в прошлое.

— Отец любил ходить со мной в книжный... особенно в букинистический, потому что там... — говорил Сергей.

— ...можно было купить редкие, дефицитные книги, — подхватывал Александр.

— Он никогда не жалел денег на книги, — в голос продолжили они и замолчали, глядя друг на друга так же, как совсем недавно на площади.

— Ты под одеялом читал? — попытался найти разницу Сергей.

— Читал, — безнадежно отмахнулся Александр, — квадратная батарейка и лампочка — вот и все нехитрое освещение.

— Уф-ф-ф... — соглашался Сергей.

— Мой отец любил открывать для меня природу. Показывал мне...

— То — что незаметно с первого взгляда...

— Точно, — уже улыбался Александр, догоняя в лесу подростка. — Он еще любил петь. Пел так...

— Будто у него голос оперного певца. А еще птиц передразнивал...

— Было пару раз...

— Да нет, чаще, ты просто забыл. — Сергей уже настаивал, будто они говорили об одном человеке, хотя уже давно сверили описания, имена, профессии и выяснили, что отцы были совершенно разными людьми, но абсолютно похожими отцами.

— Эх! Если бы я мог так увлечь своего сына в книжном магазине! — сетовал Александр.

— Да куда там! Против телевизора и компьютера да при нашей беготне... Утром вышел на работу, оглянулся — а уже вечер.

— Да-а... В детстве день тянулся...
— Особенно, когда ждешь отца с работы...
— Или из командировки...
— Ну правильно, он же привезет что-нибудь. Безделушку какую-нибудь, но привезет.

— Да... Мой-то немного мог себе позволить. Я очень велосипед хотел. А это ползарплаты... даже больше. Он однажды взял меня, и ничего не говоря маме, повел в магазин.

— И купил два велосипеда! На всю зарплату. Сказал: будем ездить вместе...

— В лес...

— И на дачу...

— Рано утром...

— Рано утром...

— Велосипед — мечта такая... Наверное, так в прошлом о коне мечтали, как советские мальчишки о велосипеде.

— А нынешним сразу “Ауди” или “Бээмвэ” подавай.

— Мой — человек старой закалки.

— А мой — до последнего верил в социализм.

— Мой — до сих пор верит.

— При этом — у него сын топ-менеджер...

— Тьфу, слово какое неприятное... Ему наплевать, какая у меня должность, ему человек важен. Он вообще начальству не кланялся, не заискивал никогда.

— И мой тоже. Добрый был, но перед начальством не заискивал. Многие его доброту за слабость принимали.

— Может, это время сделало их такими? Эпоха?

— Может, это они делали эпоху?

— Они делали эпоху, а не деньги, потому и дни были длиннее...

— Я один в один так же подумал.

За окном пошел снег, и стало тихо. Молчание умеет листать память. Красноречивое молчание — не парадокс, а слова, которые не обязательно произносить. Но его нельзя затягивать, потому что оно становится неловким. И тогда на ум приходят необязательные слова.

— Может, еще кофе? — спросил Александр. — Может, коньяк?

— Может... кофе... Коньяк всё смажет. Банально — коньяк.

— Я тоже так подумал, просто предложил на всякий случай.

— Я вот подумал, — Сергей опустил глаза и тяжело вздохнул, — мне кажется, я предал отца... И теперь только в храме могу попросить у него прощения.

— Другая женщина?! — то ли спросил, то ли догадался Александр.

— Ну да, — горько ухмыльнулся Сергей. — Любишь же одинаково — и отца и мать. Семья для ребенка священна. Но...

— Мать любишь немножко больше, потому что она тоже нуждается в защите. Она ближе, пока ты маленький, — подсказал Александр. — Я тоже застал своего отца с другой женщиной. Представляешь, ехал на подаренном им велосипеде по лесу и услышал его голос. Он пел.

— Оперным голосом.

— Ну да.

— Пел для другой женщины.

— Точно. У них был небольшой пикник на поляне. Я сначала наблюдал за этим со стороны, как говорят, из кустов... Сразу все понял.

— А потом стало стыдно подглядывать — и ты вышел. — Сергей нерасторженно улыбался.

— И я вышел. Отец посмотрел на меня печально, но не растерялся и налил мне выпить. В первый раз в жизни...

— Сначала ты решил ничего не говорить матери, чтобы не разрушить семью.

— Да. А главное — он не просил ни о чем.

— Ну да... Не просил. Он просто понимал, что мы, — Сергей говорил

так, будто они оба дети одного отца, — еще не готовы все понять, все понять так, как надо. Только я долго жил с таким камнем на душе. Вроде, кажется, отвлекся, забыл. Ведь главное, понимаешь, что он любит мать и никого больше.

— Но это чувство обмана... Оно не дает покоя. Ты чувствуешь, что мать предана, ты изначально, можно сказать, автоматически на ее стороне. И потом всегда случится этот момент, эта откровенность между матерью и сыном, когда можешь рассказать всё, все свои тайны...

— И чужие... Он тебе говорил потом, что ты его поймешь только, когда повзрослеешь, когда у тебя будет свой сын?

— Говорил...

— Самое обидное, что ты-то уже его давно простил, а мать заберет с собой свою обиду на тот свет. Глупо как...

— По-мальчишески...

— Да уж... по-мальчишески. До по-отцовски еще дотянуть надо...

— Отец научил меня чему-то такому, чему не смог бы научить никто другой.

— И это не гвозди забивать, не шины велосипедные накачивать...

— Даже не за себя постоять...

— Не в технике разбираться, не в баню ходить...

— Даже не цели добиваться... Как же это назвать?

Они искали нужные слова, но Вселенная напряженно молчала, посыпая землю снежной манной, она тоже слушала. Ей хотелось знать, чему же такому может научить сына отец. Такому, что очень трудно высказать. Такому, что знает каждый, но оно неуловимо. Как та же снежинка. Поймал на ладонь — хотел сказать — ан нет, уже растаяла. А еще через минуту и капля влаги испарилась...

— Как же это назвать? — морщил лоб Александр, рыская мыслью в прошлом и будущем. — Чему нас научили отцы?

— Мужскому взгляду на жизнь, — несмело сформулировал Сергей.

Они какое-то время помолчали, пробуя выражение на вкус, и снова в один голос определили:

— Точно!!!

Всё. Определение есть. И чувство у обоих было такое, будто они только что доказали теорему Ферма или, скорее, нашли триста шестьдесят восьмое доказательство теоремы Пифагора. Нет, пожалуй, сформулировали саму теорему, которая доказательств уже не требовала...

— Твой отец водил тебя на рыбалку? — спросил Александр.

— Да, и по дороге рассказывал...

— Истории из своего детства...

Оба на минуту снова переглянулись, продолжения не требовалось. Но вдруг Сергей глубоко вздохнул и совершенно безнадежно спросил:

— А ты водил своего сына на рыбалку?

— Нет. Всё только собирались.

— И мы... до сих пор собираемся.

Молчание стало грустным и густым, вырвалось за окно, и снег перестал падать. Сжатое время за стеклом выдавило из себя сумерки и свет из уличных фонарей. За пластиковыми окнами может быть только сжатое, ультра-современное время, какой бы тавтологией это ни звучало. Сергей бессмысленно глянул на часы, всё равно не помнил о работе.

— А в книжные магазины мы все-таки ходим.

— И мы ходим. Только вот выбираем не то, что хотелось бы...

— Нам с тобой, — подхватил Сергей. — Представляешь, мой сын до сих пор не осилил все русские сказки. Зато всякой импортной лабуды если не прочитал...

— То накупал, — поддержал в свою очередь Александр.

— Правда, и я хорош... Не пою ему русских песен, военные песни не пою... А помню: шли с отцом и вместе горланили “По долинам и по взгорьям”... А еще потихоньку пели “С чего начинается Родина”. И мама подхватывала.

— А у меня и голоса нет такого, как у отца, — посетовал Александр.

— Для этого не голос, для этого чувство надо. А нынешняя эпоха, если ее вообще можно так назвать, она бесчувственная. Притерлось всё, нивелировалось, душу не царапает, сердце не саднит. Время быстро меняющихся картинок. Как будто каналы в телящике переключаешь. И странное получается сочетание: взрывы, катастрофы, наводнения, боль человеческая во всё ускоряющемся режиме, а параллельно этому шоку тянется серое, безликое равнодушие...

— Хорошо ты сказал, — задумчиво покивал Александр.

— Придет Христос, скажет: раздай всё, иди за мной... Сколько человек пойдет?

— А увидят ли вообще?

— Правда, знаешь, был тут один проблеск. Купил я сыну фильм “Белый Бим — Черное ухо”. И совсем неожиданно для меня он сел его смотреть... Через минут сорок слышу из другой комнаты — плачет. Навзрыд. Пришел к нему, сел рядом... и тоже заплакал.

— О! — вспомнил о своем Александр. — А мы еще “Хатико” смотрели. Та же история...

— А потом я своего посадил силой смотреть “Батальоны просят огня”. Он сначала упирался. Потом прижался ко мне, спрашивает: “Папа, а война она, правда, такая?”

— И что ты ответил?

— Ответил, что хуже. Он после этого фильма решил солдатом стать. Правда, ненадолго.

— Нет, а мой о защите Родины и не думал даже. Упустил я где-то... Для меня, говорит, вся Земля — Родина. И не хочу, говорит, быть пушечным мясом за чье-то право грабить и обманывать других.

— С одной-то стороны, правильно говорит, — рассудил Сергей.

— Но Родина всё равно есть!

— Есть... Тут надо уметь разделить — Родину и государство. Не одно и то же. Хотя, — Сергей исподлобья взглянул на Александра, — те, у кого есть средства, всегда могут свалить куда-нибудь, если здесь что-то начнется.

Александр посмотрел на собеседника с укором. Мол, не давал я поводов так о себе думать. Но вслух сказал другое.

— На заре новорусского капитализма я тоже так мыслил. А теперь смо-рю на то, что происходит, и сомневаюсь, что будет где-то такое место, куда можно будет свалить, если что-то начнется... Этого упакованные дебилы не понимают. Да и будут ли в этот момент что-то решать деньги? Или даже право владеть чем-то?

— Ты прав, — почти извинился Сергей, — если земля загорится под ногами, то в этот раз это будет вся Земля...

Оба посмотрели в окно, словно там уже можно было увидеть приближающееся пламя Апокалипсиса. Но за окном лежал только что выпавший снег. Тихий, чистый и ждущий весну.

Звук колокола разбудил задремавшее небо, и в нем проклонулись первые звезды. В недалеком храме начиналась вечерняя служба.

— А я давно своему отцу за упокой молебен не заказывал, — вспомнил Сергей.

— А я своему за здоровье... Вот что! — спохватился Александр. — Поехали и сделаем это прямо сейчас!

— А кредиты? — устало вспомнил Сергей.

— Главное — там кредит не растратить, — Александр многозначительно кивнул за окно — в сторону подсвеченной прожекторами колокольни.

— Интересно, а наши сыновья за нас молебен закажут? Помолятся? — вопрос Сергея заставил их замереть, остановиться. Быстрое время тоже замерло. Ему интересен был ответ. Но наступающие сзади мгновения уже напирали, время скользило дальше: мало ли какие нелепые вопросы волнуют людей.

— Интересно, это мы плохие дети у наших отцов или наши дети стали хуже по отношению к нам? — вопросом на вопрос ответил, наконец, Александр. Долго думать не пришлось, ответ пришел сам.

— А может, все мы стали неблагодарными детьми по отношению к Единому Отцу? — спросил у суетящегося человечества Сергей.

Когда они вышли на улицу то, не сговариваясь, посмотрели на то место, где увидели похожего на своих отцов старика. И!..

Он стоял на том же месте. Беспомощный и растерянный. Он явно что-то искал в сгущающихся сумерках. Точнее, не искал уже, а отчаялся найти. Постоял еще несколько секунд, развел руками и двинулся дальше, внимательно глядя себе под ноги.

— Что-то случилось, отец? — спросил Александр, когда они догнали его на другой стороне улицы.

Старик удивленно оглянулся, смерил взглядом двух мужчин и почему-то смутился.

— Да вот... случилось... Билет на самолет потерял. К сыну лететь собирался. И вот... — он безнадежно посмотрел на свежий снег под ногами. — Пошел еще внукам подарков купить... И где-то все обронил. Билет... Деньги... Пенсионное вот... Может, пенсионное дома оставил? — спросил он свою память. — В общем... хотел на Рождество... повидаться.

Александр и Сергей переглянулись.

— Самолет когда? — спросил Сергей.

— Утром завтра. До Москвы, потом до Донецка.

— Паспорт-то, отец, не потерял?

— Не, я вот... отдельно его ношу. В целлофане... У меня тут карман застегивается. На молнии.

— А внуков-то много? — как будто совсем о неважном спросил Александр.

— Четверо. Две внучки и два внука.

— Ого! — позавидовали в голос недавние собеседники.

— Ну тогда поехали в “Детский мир”, — Александр указал рукой на служебную машину, что ожидала на другой стороне улицы.

— Зачем в “Детский мир”?! — даже испугался старик.

— Подарки внукам покупать...

— Вы это... вы откуда, ребята? — еще больше испугался старик. — Зачем вам это?

— Мы из СССР, — ответил Сергей первое, что пришло на ум.

— Отец, помнишь, книга такая была — “Тимур и его команда”. Так вот, мы тимуровцы, состарились, конечно, но еще работаем, — он улыбнулся, увлекая старика к машине.

— Так это... билеты-то... — уже нерешительно сопротивлялся четырежды дед.

— Да ерунда — билеты. Восстановим. Не восстановим — так новые купим. — Александр решительно вел деда к машине, взяв его под локоток.

— Так я вот... на Рождество хотел... Думал, до следующего могу и не дожить... — лепетал старик. — У меня вон нога совсем отказывает. Волоку уже. Не, стойте, я не могу так, ребята, я же вам отдать не смогу...

— Вот что, отец, — у самой машины Александр вдруг стал строгим и решительным. — Вы нам уже все отдали. Наша очередь.

— Кто — мы?

— Отцы.

— “Отцы и дети” у Тургенева читал? — иронично вмешался Сергей.

— Да не помню уже, — окончательно растерялся дед.

— Вот и неважно. Всё равно Тургенев всё неправильно там написал. Внукам-то сколько?..

— Оле — старшей — двенадцать, Коле — десять, Саше — шесть... — старик даже не заметил, как оказался в салоне автомобиля.

— Слушай, отец, — Александр вдруг замер, — ты не будешь против, если мы сначала заедем в храм? Мы с Сергеем собирались за своих отцов молебны заказать.

— Да я... тоже... за своего свечку поставлю, — смиренно ответил тот.

Александр закрыл за ним дверцу, сел рядом с водителем, машина исполнительно рывкнула двигателем и сорвалась с места.

Яркая звезда на Востоке мигнула ей вслед. Может быть, она и была Вифлеемской...

Говорят, ничего не бывает случайно. Может, старик неспроста потерял билеты, потому как у сына в Донецке не все было хорошо. Точнее, настолько нехорошо, что он сначала и не рад был приехавшему отцу. В сущности, банально все: зарплату задерживают, долги растут, нервы сдают... И старик, почувствовав нервозность сына, посетовал, что мог бы и не приехать, если бы не встретил на вечерней улице двух мужчин. Он рассказал ему эту странную историю, когда они сидели вечером за столом на кухне, а внуки уже спали, обнявшись с новыми игрушками от деда. Сын долго молчал, глядя в ночное небо, где одиноко светила одна — но очень яркая звезда. Почему-то от ее света слезились глаза...

— Прости, отец, — сказал он, и после недолгой паузы добавил: — За всё...

Они обнялись, как в детстве, так, словно были одним целым — с безграничным доверием друг к другу. Так, когда хочется обняться просто, без причины. Они оба были отцами... и сыновьями.

Вечность, что стояла за окном, потихоньку вошла в комнату и стала больше.